

ТЕАТРАЛЬНЫЙ сезон в разгаре. Все новые имена исполнителей появляются на афишах балетов.

В этой статье разговор — о молодежи Театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Какое оно, новое поколение в балете? Чем оно сможет обогатить искусство? Это выявится не сразу. Достоинства и приметы нынешней балетной смены обозначатся позднее, когда за плечами будет не один спектакль и список ролей приобретет более внушительные размеры. Но уже сейчас, в самом начале пути, закладываются основы основ — и профессионализм, и то, что в будущем мы назовем творческой личностью, индивидуальностью танцовщика.

Профессионализм — понятие чрезвычайно емкое в балете. Это не только владение душой технических приемов — «танцевальным ремеслом». Не менее важно и другое — актерские навыки, ощущение стиля, умение увидеть и воплотить «зерно» партии.

Людмила Семеняка вполне владеет техникой танца. Это уже немало для начинающей артистки. Будь то па-де-ле из «Жизели», «Корсара» или «Дон-Кихота» — танец исполнительницы уверен, довольно чист, пренасыщен кокетливостью и юного, чуть детского обаяния. К всевозможному конкурсу, проходившему недавно в Москве, Семеняка подготовила еще одно виртуозное па-де-ле — Одилию с прищеп из «Лебединого озера». И так же, как предвещает номера, исполнила его без видимых усилий, с аплодисментами уже располагающей опытом танцовщицы.

И вдруг здесь обнаружилось: предлагаемый репертуар не отвечает дарованию исполнительницы. Конкурс подтвердил это. Расхождение стало явным: то, что требовало зрелости мысли, размаха, смелых контрастов, было исполнено «приглушенно, в мягко намеченных контурах. Сила, масштабность этой танцовщицы, видимо, не свойственны. Техника оснащена помещала рассмотреть ее подлинное призвание. Оно, на наш взгляд, в лукавом юморе, искристой жизнерадостности. Это сумел подметить Г. Майоров, поставив танец-шутку «Ми». Здесь Людмила Семеняка чувствовала себя естественно и органично. Ей бы станцевать «Шестую предосторожность», «Арлекинаду», «Копеллино»! Подобный репертуар для молодой танцовщицы выигрышней и ближе.

Однобокое увлечение технической стороной танца в ущерб образному осмыслению роли в какой-то мере порождено конкурса-

ми. Практика «натаскивания» исполнителей, к сожалению, имеет место и в балете. Обычно в таких случаях выбирают самый эффектный, «парадный» репертуар: вот и получилось, что Черного лебедя танцевала чуть ли не каждая участница конкурса.

Танцевала эту партию и Валентина Ганибалова. Но для нее, в отличие от многих, выбор оказался более удачным. Обстоятельная, смелая, броская, она с азартом устремлялась в танец, словно делала ему дерзкий вызов. Темперамент захлестывал. Исполнительница не слалась с танцем воедино, не «красовалась» в нем доверчиво и чутко, а распоряжалась им властно, по-хозяйски. Она приспособилась этот танец для себя,

неожиданно заменив. Все так же, неожиданно, творческие таланты получают даже жеманную партию, которая потом становится украшением их репертуара. Но какое при этом требуется напряжение духовных и физических сил! Не потому ли Базиль Ковмира был так по-особому собран и сосредоточен? Постепенно скованность проходила, танец становился все непринужденней, набирал уверенность и силу. Победные ноты финального па-де-ле утверждали также победу самого танцовщика. Было очевидно, что театр приобрел в его лице достойного исполнителя роли Базыля. Успех юности радовал. Его умение работать, вдумчивость, серьезное отношение к искусству азвучают

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

НАЧАЛО ПУТИ

ТРУДНОСТИ,
РАДОСТИ,
ЗАБОТЫ

поднятия стихийному, верно угаданному ощущению роли и собственным танцевальным данным. Данные тоже были на редкость эффективны. Зато недоставало строгой отделки, вдумчивости, иногда — вкуса.

И Ганибалова, и Семеняка заслуженно завоевали второе место на всевозможном конкурсе, но первое они уступили более юной и не столь опытной сопернице — ученице Пермского хореографического училища пятнадцатилетней Надежде Павловой. Конкурс помог выявить и сильные стороны исполнительства ленинградок, и некоторые упущения в их подготовке.

Предварительные просмотры, концерты балетной молодежи определили сильнейшего среди молодого мужского состава ленинградцев, посылаемых на конкурс. Им, несомненно, оказался Николай Ковмир. К сожалению, юноша не рассчитал силы, перетруился и, получив травму, не смог продолжить состязание. Вряд ли стоило руководству труппы незадолго до конкурса предлагать молодому танцовщику срочно заменить заболевшего исполнителя. События, конечно, был слишком велик, и Ковмир за два дня разучил и станцевал трудную партию в балете «Дон-Кихот». Это был первый спектакль, в котором он исполнил ведущую роль.

надежды. Хочется верить, что им еще предстоит сбыться.

Выбор первой партии — чрезвычайно ответственное дело. Это позволяет и самому исполнителю проверить свои творческие возможности, и зрителю убедиться в них. От правильности сделанного выбора иногда зависит дальнейшая творческая судьба актера.

Татьяна Терехова, как и Семеняка, — всего второй сезон в театре. И хотя ее репертуар не столь обширен, как у подруги, Татьяна уже доверили солидные партии. Сначала это было па-де-леу в «Лебедином озере», теперь — вариация из четвертого акта балета «Дон-Кихот». Эту вариацию, требующую эффектных акцентов, проникновения в суть пластики, великолепно танцует К. Тер-Степанова. Терехова имеет собственных красок, усиливая волевые, торжествующие интонации танца. Хорошая выучка, одаренность, сдержанный, но сильный темперамент позволяют предполагать, что Терехова станет понастоящему интересной танцовщицей. Может быть, и неплохо, что ее репертуар расширяется пока не столь быстро. Ведь она из тех, кто способен находить все новые и новые краски, акценты, интонации в танце. Важно «не переждать», не нарушить ее внутренних темпов роста как исполнительницы. Здесь

потребуется особая чуткость от педагогов и режиссеров.

Балетная молодежь требует постоянного развития. Большой затраты времени и сил. Тут уж необходимо запастись настойчивостью и терпением. Одаренность бывает разная: у одних результаты работы сказываются быстро, другие — непозадавливы, накапливают опыт, а растут медленно — и вдруг преобразуются и поражают свершившимся. Но трудная победа может оказаться дороже и значительней.

На Веру Салтыкову сначала возлагали надежды; затем отступились — ожидали успехов, а она танцевала все хуже. Спихивались перед конкурсом, но время было упущено. Да и главное пренятствие — робость, неуверенность в себе и свои силы — преодолеть стало еще труднее. Не могло не сказаться и то, что Вере все реже и реже давали становиться порученный прежде репертуар. А жаль — ее исполнение было нервным, но всегда подтверждало одаренность молодой артистки. Ее танец то неожиданно вспыхивал, усиливая сочность красок, то так же неожиданно сникал, заплетался, становился ученическим. В работе с Салтыковой требовался еще больший такт, внимание, чем с остальными, умение вовремя поддержать, сказать ободряющее слово. Хочется думать, что участие ее во всевозможном конкурсе, стеченное поощрительной премией, станет началом нового этапа в творческой биографии молодой танцовщицы.

Доброжелательность, индивидуальный подход не должны оборачиваться снижением творческих критериев в работе с молодежью. Здесь особенно необходим точность оценок, высокая и принципиальная требовательность. Талант вовсе не обманывает к снисходительности да и не нуждается в ней.

Михаил Барышников уже давно завоевал прочное и всеобщее признание как великоколени танцовщик редкостных данных. Недавно он впервые станцевал новый для себя спектакль — «Жизель». Через многое пришлось переступить актеру, готовясь к роли графа Альберта, многое продумать, попробовать, «примерить» на себя. И ему удалось доказать свое право на партию, требующую особых внешних и внутренних качеств. Это само по себе немало. Пусть рано пока говорить о том, что исполнение Барышникова — новый этап в сценической истории «Жизели». Для этого молодому танцовщику еще многое предстоит сделать. И прежде все-

го — избавиться от суетливости, от однопланового прочтения роли, добиться сценического контакта с партнершей, не только внешнего, — и внутреннего дуга. Но и первая попытка по-своему осмыслить традиционную классическую партию достойна уважения и поддержки. Однако обаяние танца Барышникова столь велико, что появилась тенденция чрезмерно захваливания всего, что бы только ни сделал. Хорошо было бы избежать этого. Нумеренные восторги могут помешать дальнейшему совершенствованию партии, которая в будущем у Барышникова может стать целостной и по-настоящему убедительной.

Особый интерес к молодым исполнителям в балетном театре стал традицией. Можно было ожидать, что именно для молодых возобновляют не шедшие некоторое время спектакли «Шурале» и «Спартак». Это было бы тем более уместно и естественно, что прежних исполнителей в труппе не осталось. К сожалению, театр не решился на такой шаг, ограничившись лишь малочисленным вводом.

Удача темпераментного, очень сценичного Раджепа Абдыева в роли Али-Батыра не только порадовала, но и заставила пожалеть о том, что руководство труппы не нашло среди молодежи подходящую исполнительницу на главную женскую роль в «Шурале». Несомненно, выиграл бы и спектакль «Спартак», если бы главную роль поручили молодому танцовщику, обладающему необходимыми внешними данными. Такие люди в труппе есть. Одни из них — Владимир Колошко, кстати, исполнивший на выпуске сцену из этого балета. Сценический облик весьма существен в спектакле, где многое выражено в статике. Недаром ставился этот балет на Аскольда Макарова, так и оставшегося лучшим исполнителем роли Спартака на ленинградской сцене.

Внимание к молодежи, к ее интересам не должно быть преклонным, приуроченным к определенному событию, например к тому или иному смотру, конкурсу. Только неустанная работа с молодежью, воспитание ее в лучших традициях ленинградского исполнительства могут стать залогом подлинного успеха. В балетной труппе Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова есть еще нераскрытые творческие резервы. Искать их, искать настойчиво надо прежде всего у молодых исполнителей.

А. СОКОЛОВ